

Манджиева Байрта Барбаевна

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ КАЛМЫЦКОЙ БОГАТЫРСКОЙ СКАЗКИ И ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА "ДЖАНГАР"

В статье рассматриваются традиционные формулы калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса "Джангар", которые, согласно композиции, автор подразделяет на инициальные, медиальные и финальные. Изучение общих стабильных моделей построения формул позволяет выявить национальную специфику фольклорных произведений. В результате проведенного текстологического анализа автор приходит к выводу, что инициальные, медиальные и финальные формулы имеют свои специфические функции в развитии сюжета произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 39-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**A. A. FET AND P. I. TCHAIKOVSKY:
"DUAL EXISTENCE" OF THE CREATIVE DIALOGUE OF "POETS-MUSICIANS"**

Makarova Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Moscow
svetlanamakarova658@gmail.com

The article deals with biographical facts, epistolary sources, artistic works which can reveal the unusual nature of A. A. Fet and P. I. Tchaikovsky's creative dialogue, leading to the understanding of peculiarities of "musical" poetry and its embodiment in the vocal art of the second half of the XIX century. The author investigates in detail the aesthetic conception of "pure art" master and the prosodic views of composer-melodist's genius, as well as their innovative search in the field of accentual-syllabic metre-rhythm. The article concludes about the boundary position of Fet's "musical" lyrics and Tchaikovsky's lyrical romances, heralding the modernism era.

Key words and phrases: aesthetic views; theory of accentual-syllabic versification; melodious verse; romancing composition; metre-rhythmic experiments; miscellaneous meters; "music" of verse; vocal genres.

УДК 398.21

В статье рассматриваются традиционные формулы калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар», которые, согласно композиции, автор подразделяет на инициальные, медиальные и финальные. Изучение общих стабильных моделей построения формул позволяет выявить национальную специфику фольклорных произведений. В результате проведенного текстологического анализа автор приходит к выводу, что инициальные, медиальные и финальные формулы имеют свои специфические функции в развитии сюжета произведения.

Ключевые слова и фразы: калмыцкий фольклор; богатырская сказка; эпос «Джангар»; традиционные формулы; герой; персонаж.

Манджиева Байрта Барбаевна, к. филол. н.
Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста
mbbairta@yandex.ru

**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ КАЛМЫЦКОЙ
БОГАТЫРСКОЙ СКАЗКИ И ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР»**

В сказочных и эпических произведениях разных народов для характеристики развития сюжета сказители часто используют повторяющиеся речевые формулы, их также называют «общими или типическими местами», «типическими описаниями», «типическими формулами» и т.п. Изучению формульности посвящены работы исследователей П. Д. Ухова [15], Н. Рошияну [12], Н. М. Герасимовой [6], А. И. Алиевой [1], А. Лорда [9], В. М. Гацака [5] и др. В калмыцкой фольклористике поэтические формулы рассматривались в работах Т. Г. Басанговой [3], В. Т. Сарангова [13], Б. Б. Горяевой [7], И. С. Надбитовой [10], Ц. Б. Селеевой [14]. Однако до сих пор остается актуальным изучение поэтических формул калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар».

Традиционно как в сказке, так и в эпосе формулы подразделяются на инициальные, медиальные и финальные. Инициальные формулы в калмыцких сказках состоят из стандартных выражений, которые представляют основных персонажей, а также место и время происходящих событий. В сказочной традиции калмыков наиболее устойчивыми оказываются формулы, определяющие социальное и семейное положение героев. Так, одним из часто встречающихся типов инициальной формулы богатырской сказки калмыков является формула существования героев: «Давным-давно это было», эта формула представляет слушателю действующих лиц: «Кезэнэ нег байн күн бээж» [16, с. 78] / Давным-давно жил один богач (Здесь и далее перевод автора статьи); «Сагс саарл күлтэ Хэрт Хар Күкл гиде баатр бээж. Ахнь чимк ноосн уга күлтэ Чилдр Билдр Баатр бээж. Хала шоңхр хойр шовута Хаср Баср хойр нохата бээж. Газрар гүүсн юмиг хойр нохань бардг, деегар ниссн юмиг хойр шовунь бардг бээж. Ахнь гертэ бээж» [2, с. 72] / Жил богатырь Хартин Хара Кюкюл, ездил на косматом буланом скакуне. Был у него брат Чилдер Билдер Батар на лысом скакуне. Были у него птицы скопа и кречет, собаки Хасар и Басар. Собаки охотились на парнокопытных, птицы его охотились на всё, что летает. У брата была кибитка.

«Определение времени в сказочной исходной ситуации корреспондирует с исполнительским временем рассказа о сказочных событиях и противостоит абсолютному времени действия сказочных героев» [6, с. 22]. Формулы времени «ик кезэнэ», «кезэнэ бээж» (давным-давно жил), «кезэнэ санж» (давным-давно это было) сообщают о далеком времени в сказке, а в эпических песнях «давность» времени состоит из образных определений: «Эрднин эки цагт» [8, с. 360] / В драгоценное раннее время.

В Малодербетовском цикле (1862 г.) эпоса «Джангар» в формулах построения дворца хана-правителя наблюдается устойчивость его географического места положения: по горизонтали это всегда «долина Шилтя», «река Шилтя Зандан», «двенадцать светозарных рек», а по вертикали – гора Цаган. Интересно заметить,

что в трех вариантах пролога данного цикла в цепочке формул места построения ставки богатыря Алтан Чеджи встречается совпадение слов и общность объектов, но, несмотря на это равенство, мы не можем признать неподвижность формулы, потому как эпитет «арт» (лучезарная) имеет вариации «арцъ» и «арчис»:

Арт *зандн уулын белд* [Там же, с. 143] / (На склоне лучезарной горы Зандан);

Арц *Зандн уулын белд* [Там же, с. 50] / (На склоне лучезарной горы Зандан);

Арчис *Зандн уулын белд* [Там же, с. 95] / (На склоне лучезарной горы Зандан).

Медиальные формулы – это самая значительная по объему и по занимаемому месту в сказочном и эпическом произведении группа трафаретных выражений, их назначение – характеристика персонажей, описание действий персонажей, важных для развития сюжета. В богатырских сказках встречаются формулы времени, характеризующие действия персонажей:

1) формулы, определяющие перемещение героя в пространстве и во времени:

«Хээрт Хар Күкл долан-долан дөчн йисн хонгт гүүлгэд орксн цагт ээмг-алвтын захас һарад уга болна» [2, с. 87] / Скакал Хартин Хара Кюкюл семью-семь сорок девять дней, но не достиг и края своего аймака (*здесь и далее перевод автора статьи – Б. М.*);

2) формулы, характеризующие длительность пути:

«Көвүн гүүлгэд һарна. Гүүлгэ йовжэ өцклдүр йовсн улсиг давад һарад, хойр хонг өмн һарсн улсиг давад һарад йовна. Ик удан гүүлгэд, һазрин шавилһнд бээсн һурвн улан альмиг авад, хэрү герэдэн һарад гүүлгэнэ» [Там же, с. 93] / Юноша поскакал. Скакал-скакал, проехал мимо людей, которые еще вчера выехали. Долго скакал, достиг места, где небо с землей соединяются, сорвал три яблока и обратно домой поскакал.

В эпосе «Джангар» выделяются медиальные формулы времени, определяющие перемещение героя в пространстве:

1) формулы, определяющие **очень долгий путь** героя:

В начале ранних времен;

Покинув страну Бумбу;

Никуда не пристал нойон Джангар, все скитался [8, с. 181];

2) формулы, характеризующие **неопределенно долгий путь** героя:

Скачет много дней, много ночей;

Скачет много веков! [Там же, с. 162];

3) длительность пути во **времени**:

Дни и ночи;

Богдо нойон без усталости проскакал [Там же, с. 130];

Много дней, много ночей;

Зерде скакун мчится по следу [Там же, с. 134].

Среди медиальных формул есть формулы, которые характеризуют внешность персонажей, например, в эпосе «Джангар» описывается красота:

а) Джангар-хана

Коса [Джангара] изливает аромат *кюджи*,

Шея его запах можжевельника источает,

Сияние Майдари исходит со лба,

Свет Зонкавы родничок его распространяет,

Свет Очир-Вани маковки головы его изливает... [Там же, с. 78];

б) богатыря Хонгора

Перламутрово-белые зубы его

Поблескивают с расстояния,

Румяные щеки его алеют с расстояния версты.

Черные пронизательные глаза его прищурены,

Мужество и доблесть его прекрасны... [Там же, с. 72];

в) ханши Ага-Шавдал

В сиянии красоты [Ага Шавдал] шить-вышивать возможно;

В свете красоты [Ага Шавдал] табуны стеречь можно [Там же, с. 80].

Как в сказке, так и в эпосе «Джангар» встречается устойчивое описание восхваления красоты коня:

Спина его, как у зайца, прекрасна,

Гладкие бедра его прекрасны,

Как у тушканчика, передние ноги его прекрасны,

Прекрасна голова его,

Прекрасны глаза его,

Широкая грудь его прекрасна,

Четыре копыта его –

Подобны золотым чашам [Там же, с. 62].

В богатырской сказке «Сын медведя Алвта Хара» описание красоты дочери старика и старухи из владения Алтан Лузанг хана определяется следующей формулой: «*Өсх дутман маңнаднь мандлсн шарһ нарни герл тусэж, саңнаднь сарин герл тусэж сэххрэд йовна*» [11] / Чем взрослее [девочка] становилась, от света сияющего солнца, что на лоб ей попадал, от света луны, что на лоб ей попадал, она становилась красивее. Быстрый рост богатыря в сказке «О восьмисотлетнем старике Намджил Улане и его семисотлетней старухе Додни Герел» передается формулой: «*Нег унин дүүжэң кехэд, нег иргин арсар өлгэ кехлэ көвүнд күрхи, нег хончкэн көвүнд. Хойр хонна – хойр иргин арсар өлгэд күрхи, хойр унин дүүжэңд күрхи. Хурвн хонна – хурвн иргин арсн өлгэд күрхи, хурвн унин дүүжэңд күрхи. Дөрв хонна – дөрвн иргин арсн өлгэд күрхи, дөрвн унин дүүжэңд күрхи. Тав хонна – тавдгч өрүндэн тартг-туртг күрчэнэ*» [16, с. 143] / Ребенка завернули в выделанную овчину огромного барана. На следующий день эта овчина становится мала малышу. Завернули в две овчины. На третий день двух овчин не хватает, чтобы завернуть сына. Заворачивают в три овчины. На четвертый день четырех овчин не хватает, чтобы завернуть сына. На пятый день пять овчин еле хватило, чтобы завернуть сына.

Финальные формулы в эпосе выполняют завершающую функцию –возвращают слушателей к той точке, откуда начиналось сказочное или эпическое повествование. Так, например, эпос «Джангар» заканчивается описанием пира во дворце Джангара: «*Тридцать пять вебрей богдо, / Да ханы семидесяти двух рек / У океаноподобного богдо / Восседали за обильной красной арзой, / [Перегнанной] из молока кобылиц / Эта Бумбайская страна / В мире и покое пребывает*» [8, с. 90].

В концовке богатырской сказки формула пира используется сказочником для того, чтобы «ввести в круг действующих лиц сказки самого рассказчика и представить его участником сказочных событий» [6, с. 26]. В сказочной традиции калмыков финальные формулы изображают счастливую концовку: «*Тегэд Нальхн Цаган ээжтэһэн амр сээхн жүрһнэ*» [17, с. 184] / Так, вместе с Нальхан Цаган-эдже жили они счастливо. В окончании богатырской сказки сказитель как бы перемещается с места действия произведения к аудитории слушателей. Известный калмыцкий сказочник Санджи Бутаев завершал свои сказки высказыванием, что и он был там вместе с героями: «...*Тер нэр-жүрһлин сүүлэ харһад, нег цөгц эрк уусн, нег сеңсн шөл ууһад, негл моһлцг мах идэд, һарч ирүв саахна*» [4, с. 163] / ...Попал и я туда под конец, выпил чарку араки, одну чашу шёлюна, съев один кусок мяса, только что вернулся. Сказитель констатирует тот факт, что произошедшее с ним перемещение из сказки к слушателям подтверждает достоверность рассказанного им. Также одна из функций финальных формул – разрядка напряженного внимания аудитории.

В результате рассмотрения традиционных формул калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» мы выявили следующее: 1) инициальные формулы представляют основных персонажей, указывают место и время сказочного и эпического действия; 2) медиальные формулы занимают устойчивое место в фольклорном произведении, их назначение – характеристика персонажей, описание действий персонажей, важных для развития сюжета; 3) финальные формулы как заключительный этап действий героя в сказке изображают переход из иного мира в реальный мир слушателей, а в эпосе возвращают к исходной точке, то есть к пиру во дворце Джангар-хана.

Список литературы

1. Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 278 с.
2. Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня = Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
3. Басангова Т. Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост., пер., предисл., коммент. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3-38.
4. Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971-1978 гг.: в 2-х кн. Элиста: КИГИ РАН, 2008. Кн. 1 / предисл. Н. Г. Очировой; сост., коммент. и прилож. Б. Х. Борлыковой. 308 с.
5. Гацак В. М. Пространство этнопоэтических констант // Народная культура Сибири: материалы VIII научно-практического семинара Сибирского РВЦ по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 109-112.
6. Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (к проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Советская этнография. 1976. № 5. С. 18-28.
7. Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: ЗАО «НПП Джангар», 2011. 128 с.
8. Джангар. Калмыцкий героический эпос: в 2-х т. / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. Т. 1. 441 с.
9. Лорд А. Сказитель. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 369 с.
10. Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАО «НПП Джангар», 2011. 260 с.
11. Научный Архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 2.
12. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
13. Сарангов В. Т. Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 104 с.
14. Селеева Ц. Б. Финальные формулы как отражение прагматики эпического текста // «Джангар» в евразийском пространстве: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста, 2004. С. 288-291.
15. Ухов П. Д. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин. Русский фольклор: Материалы и исследования. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 2. 373 с.
16. Хальмг туульс. III боть. / нээрүлж кевлелд белдж диглснь: Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1972. 253 с. (на калм. яз.).
17. Kalmückische Sprachproben / Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. S. 155-237.

TRADITIONAL FORMULAS OF THE KALMYK HEROIC TALE AND HEROIC EPOS "DZHANGAR"

Mandzhieva Bairta Barbaevna, Ph. D. in Philology
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
mbbairta@yandex.ru

The article examines traditional formulas of the Kalmyk heroic tale and heroic epos "Dzhangar". According to their composition the author classifies them into the initial, medial and final. Studying the common stable scheme arrangement models allows identifying national specifics of folkloric pieces. The textological analysis allows the author to conclude that the initial, medial and final formulas have their own specific functions in story development.

Key words and phrases: Kalmyk folklore; heroic tale; "Dzhangar" epos; traditional formulas; character; personage.

УДК 821.512.36

В статье представлены некоторые выводы, сделанные на основе сюжетного анализа известного буддийского сочинения «Море притч», которое было переведено с тибетского языка на ойратский калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджевым) (1887-1980) в 1960-е гг. Этот памятник является собранием разрозненных легенд, преданий и притч, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй. Автор выделяет микро- и макросюжеты и иллюстрирует их примерами из текста.

Ключевые слова и фразы: буддизм; канон; перевод; Тугмюд-гавджи; «Море притч»; сюжеты.

Музраева Деляш Николаевна, к. филол. н., доцент
Калмыцкий научный центр Российской академии наук
deliash@mail.ru

ОПЫТ СЮЖЕТНОГО АНАЛИЗА БУДДИЙСКОГО СОЧИНЕНИЯ «МОРЕ ПРИТЧ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСИ ПЕРЕВОДА ТУГМЮД-ГАВДЖИ)

«Море притч» (*ойр. Oülgurun dalai*) – это название ойратского перевода известной буддийской «Сутры о мудрости и глупости» (*тиб. 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo*), который был осуществлен в конце 60-х гг. прошлого столетия калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджевым) (1887-1980). Рукопись перевода, состоящая из 4-х общих тетрадей европейского образца хранится в научном архиве Калмыцкого научного центра РАН [11]. Разнообразные сведения о данной сутре широко представлены в востоковедной литературе: это буддийское каноническое сочинение включено в 27-й том тибетского Ганчжура нартанского издания [2, с. 41, 153], в 102-й том рукописного монгольского Ганджура [7, с. 254-256]. Это произведение, как и многие памятники буддийской литературы, имеет древнеиндийские истоки, хотя санскритский оригинал его утрачен; есть сведения также о китайской версии этого памятника. Существует целый ряд монгольских переводов, авторами которых являются известные переводчики XVII в.: Ширээт-гуши-цорджи, Тойн-гуши, Цултэмлодой и Зая-пандита Намкай Джамцо.

Как и все буддийские сочинения из состава канонических сводов, оно призвано было преподавать читающим, равно как и слушающим (внимающим), основополагающие моменты буддийского учения, по словам классика монголоведения О. М. Ковалевского, «...о способах достижения степени Будды» [8, с. 6]. При этом существование учения о перерождениях – одного из основополагающих в буддизме — в этом образце повествовательной литературы принимается безоговорочно, не подвергается никакому сомнению и предполагается знакомым для читающих. Согласно учению о карме, которое также ярко иллюстрируется в нем, все действия имеют свои последствия, вот почему причину каких-либо негативных и позитивных явлений следует искать в прошлых перерождениях того или иного существа – персонажа повествования.

Относительно литературной формы и структуры этого письменного памятника можно отметить, что уже не один исследователь уделял внимание этому вопросу. Определяя его жанровую характеристику, указывая на его жанровую принадлежность, ученые отмечали, что это не какое-то законченное фабульное повествование о каком-либо одном персонаже (или персонажах). В этом плане оно достаточно однозначно определяется как сборник отдельных глав-историй, составленных по образцу сочинений двух жанров: «джатак» (от *санскр. jātaka*) и «авадан» (от *санскр. avadāna*) [10, с. 9-10]. В первых, как правило, главным действующим лицом выступает Будда, во вторых он не принимает непосредственного участия ни в настоящих, ни в прошлых событиях, которые пересказываются для того, чтобы продемонстрировать причинно-следственную связь между нынешними событиями и событиями прошлых перерождений [Там же]. О «джатаках» можно сказать, что они представляют собой яркую иллюстрацию буддийского учения о перерождениях. Одним из образцов таких историй является, по сути, жизнь самого Будды Шакьямуни, отраженная в целом ряде сборников, описывающих его прошлые рождения [1; 3-6].

Нас в данной работе привлекает содержание этого памятника – по сути, собрания, своего рода антологии разрозненных, отдельных легенд, преданий, притч сказок и историй, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй, включающих в себя две и более отдельные истории (сюжетов, сцен). При этом отдельные сюжетные линии представлены довольно кратко, без детализации.